

A panoramic view of Paris, France, featuring the Eiffel Tower on the left, the Seine river in the foreground, and the Pont Neuf bridge in the middle ground. The sky is filled with dramatic, golden-hued clouds, suggesting a sunset or sunrise. The text is overlaid on the right side of the image.

Мария Гарзийо
Бедный
Симон

Мария Викторовна Гарзийо

Бедный Симон

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45570700

ISBN 9785005052995

Аннотация

Воистину благими намерениями вымощена дорога в ад. Пожалевав обделенного судьбой неудачника, Анна поставила под угрозу все, что ей было так дорого.

Бедный Симон

Мария Викторовна Гарзийо

© Мария Викторовна Гарзийо, 2019

ISBN 978-5-0050-5299-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я не принадлежу к числу тех счастливиц, что умеют запросто завязать разговор с первым встречным и взрастить из случайной встречи многолетнюю дружбу. Более того мой сдержанный нордический характер неоднократно побуждал меня уткнуться в книгу, дабы избежать диалога с проходящим мимо или толкающимся неподалеку в автобусе бывшим одноклассником или работником соседнего отделения. Я не умею нести добродушную бессмысленную чушь, а отколупывать кусочек настоящей скорлупки для этих чужаков мне жалко. Потому и сейчас, устроившись поудобнее, на сколько это возможно, в твердом пластмассовом кресле аэропорта, я утыкаюсь в свой айфон, игнорируя копошащихся вокруг собратьев. Рейс AirBaltic Париж – Рига задерживается на неопределенное время по неопределенным причинам. Напротив меня две дородные мамы разворачивают взопревшие бутерброды. Судя по мощному запаху, прими-

тивные кулинарные изделия провели в дороге не одни сутки. «Ешь, Оля!» пихает одна тучная путешественница в бок вялую девицу, примостившуюся рядом. «Ничего в этом нет постыдного» добавляет вторая, заглатывая громадный кусок докторской. Девица смущается и сдержанно отнекивается. Я перевожу взгляд на некрасивого, но ухоженного француза в дорогих ботинках из кожи питона. Его длинный нос, вынырнув из-за бумажного щита журнала Фигаро, морщинится, уловив чужеродный аромат. Мне на мгновение становится стыдно перед европейским щеголем за доморощенность соотечественниц. Думает наверно сейчас: «И зачем возить с собой вспотевшие вонючие сэндвичи, когда можно в любое время купить свежие?» Я мысленно составляю аргументированный ответ на этот вопрос, вплетая в иллюзорную речь особенности культуры и истории. В тот момент, когда я дохожу до слезного параграфа, посвященного продуктам по талонам, справа от меня на сидение обрушивается ворох чьих-то вещей.

«То сними, то надень! То макароны звенят! Что может в макаронах звенеть?» раздается вслед за ними недовольный женский голос. Этот гневный возглас вряд ли может быть обращен ко мне, поэтому я тактично отодвигаюсь, едва заметив краем глаза хозяйку беспардонного вороха, высокую тощую блондинку. Стоит мне вернуться к увлекательнейшему процессу разведения лягушек в электронной игре Pocket Frogs, как блондинка повторяет свой риторический вопрос,

на сей раз, обращаясь непосредственно ко мне.

– Что может звенеть в макаронах?

Я поднимаю на нее глаза с отражающимися в зрачках лягушками и отстраненно мотаю головой.

– Сегодня утром в Ладюре купила, – поясняет между тем девушка, ни сколько не смущенная моей дремучей холодностью, – Родителям в подарок. В магазине мне коробку запечатали.

Я киваю. Ну, запечатали, так запечатали. Родителям, так родителям. Я-то тут причем. Надеюсь, она не предложит мне сейчас вскрыть эту коробку, и сожрать разноцветные бисквиты, лишив, таким образом, французского денди последних иллюзий в адрес диких и прожорливых выходцев из бывшего союза.

– А эти даже сапоги снять заставили, – продолжает навязчивая незнакомка, довольствуясь моей неэкспрессивной мимикой, – Ты в Ригу тоже летишь?

– Ага, – перестаю претворяться немой я.

Похоже, что диалога избежать не удастся. Прощайте, лягушки.

– Рейс надолго задерживается? – блондинка вставляет руки в рукава пальто.

– Не знаю, не сказали.

– Меня Аня зовут, а тебя?

– Саша.

– Слушай, Саш, посторожи мои вещи, я сбегаю, кофе куп-

лю.

Ну, вот начинается. Едва успели познакомиться, как эта особа уже превращает меня в заложницу собственных интересов. Я с трудом выжимаю из нарастающего раздражения улыбку. Аня возвращается минут через пятнадцать с картонным стаканчиком в руке.

– Спросила, сколько ждать еще. Никто ничего внятно объяснить не может. У меня создалось впечатление, что эти негры сами толком по-французски не говорят, – заявляет она, так и не поблагодарив за маленькую, но все-таки услугу, – Ты часто в Париж летаешь?

– Второй раз, – неохотно признаюсь я, – По работе.

Я – дипломированный переводчик французского. Потому наверно мне стыдно признаваться, что родоначальника собственной профессии я видела всего два раза, да и те были короткими насыщенными командировками, а не длительным впитыванием нюансов языка и культуры.

– А ты? – спрашиваю я без особого интереса, исключительно чтобы не сойти за бирюка.

– А я живу в Париже. Жила. Теперь все, возвращаюсь обратно. На родину, – последнее слово лишено томного ностальгического оттенка.

Моя собеседница неожиданно хлюпает носом и отворачивается.

– Ну, ничего, в Риге сейчас тоже нормально. Кризис почти прошел, – замечаю я.

Надо заметить, что я терпеть не могу эмигрантов, которых хлебом не корми, только дай похаять отчизну. Приедут в гости к родичам и кряхтят, сморщившись как от Мохито без сахара: «Тут все говно, вот там в Ирландии (Англии, Америке, Франции...) и огурцы зеленее, и птички громче поют, и молочные реки плещутся о кисельные берега». С другой стороны есть и их антиподы, которые, уехав за рубеж, трепетно хранят память о родине в виде песен Антонова, гречки и селедки, и при каждом удобном случае гундят о том, как их постсоветский желудок не переваривает всякие заморские фуа гра.

– Угу, – всхлипывает Аня, – Прошел.

– Эй, все в порядке? – проявляю я несвойственное мне человеколюбие.

Моя спутница отрицательно мотает головой.

Ну, и что прикажете мне делать? Я же не бюро добрых услуг, чтобы сначала сумку посторожить, потом слезы утереть, а там глядишь и на шею себе посадить. Пусть едет и ножками болтает. Может быть, это развлечет неудавшуюся эмигрантку.

– Извини. Что-то я совсем раскисла, – громко высморкавшись в бумажную салфетку, восклицает Аня, – Столько времени строила, планировала,... а теперь развалилось все, кирпичей не соберешь. В 29 лет жизнь сначала начинать это не просто.

– Может оно и к лучшему? – предлагаю я философский

подход к неизвестной мне проблеме.

– Это вряд ли, – хмыкает она.

На некоторое время между нами устанавливается молчание, нарушаемое только шуршанием газетных страниц в руках француза и причмокиванием любительниц домашней закуски. Но это уже не то уютное молчание, в котором я прибывала до появления Ани. Это неприятная напряженная тишина, напоминающая ожидание в кресле дантиста. Вроде надо что-то сказать, а что не понятно. Именно во избежание подобных ситуаций я всегда разворачиваюсь к малознакомым людям спиной и претворяюсь страшно занятой. Но на сей раз деваться некуда.

– Я с французом познакомилась по Интернету, – не сумев перебороть жгучее желание поплакаться, заводит рассказ Аня,

– Банально, конечно, но сейчас все так делают.

Угу, я, кстати, не исключение. Совсем недавно на сайте «одноклассники» на мой отредактированный портрет клюнул один вполне перспективный тип. Он пригласил меня в чайную (идеальное место для всех живущих с родителями малобюджетников потереться на подушках за два лата) и все бы ничего, но к чашке чая прибавились байки о том, как этот герой воевал в школе с учителями. Будучи отпрыском учителей в четвертом поколении, я не смогла по достоинству оценить всю глубину садистического юмора. На том и сказке конец. Но, кажется, я отвлеклась.

– Переписывались месяца два. У нас оказалась масса общих интересов: путешествия, мода, вкусная еда, шопинг!

М-да, числись в интересах Ани трехногие собаки, молочная пенка и семейство жуков подотряда разноядных вряд ли бы ей было бы так просто отыскать аналогичную половинку. Эх, да, что это со мной? Человек только приоткрыл мне свою душу, а я уже ее всю заплевала. «Pozog!» как сказали бы чехи. Должно быть виной моей язвительности зависть. Когда Бог выписывал кистью лицо Ани, он явно прибывал в большем вдохновении, нежели во время создания моего анфаса. Тем временем одаренная Всевышним продолжает.

– Каждый день открывали друг в друге нечто новое. Знаешь, это как увлекательная книга. Каждый день ты хватаешь в руки томик, чтобы продолжить чтение и узнать, что же будет дальше. На последней странице этого романа было крупными буквами написано – «пора встретиться в реале». И Антони пригласил меня в гости. Я так нервничала. Страшно было встретить в парижском аэропорту разочарование. Но все прошло отлично. Он оказался лучше, чем на фото. В нем было какое-то необыкновенное притягательное очарование, которое не смог передать безжизненный снимок. И не смотря на то, что мы впервые по-настоящему приблизились друг к другу, никакого стеснения ни он, ни я не испытывали. Как будто эта встреча была не началом, а продолжением.

Красивое лицо Ани озаряется воспоминанием. Ее губ касается мягкая улыбка. Я чувствую, что она заново пережи-

вает счастливые моменты. Нет ничего волшебнее и быстротечнее, чем зарождение любовной истории. И какое счастье суметь вовремя распознать и вкусить в полной мере эти безвозвратные мгновения.

– Все быстро закрутилось. Уезжая обратно, я еле сдерживала слезы. Стоило мне потерять из виду его силуэт, как на мой телефон пришло сообщение: он признавался мне в любви! Вот тогда я расплакалась.

Циничная брюзга опять шевелится во мне, ворча, что подобный современный способ признания в любви не является самым что ни на есть трогательным. Куда милее устный вариант – глаза в глаза, или на худой конец плакат, прицепленный к самолету.

– Потом Антони приехал ко мне. Я познакомила его с родителями. Всем он как-то сразу понравился. Мама была рада, что я нашла себе иностранца. По ее словам в Латвии будущего у меня не было. Ах, да, я тебе не сказала. До знакомства с Антони я работала секретарем в одной местной фирме. Не работа, а ежедневные унижения. От начальника меня просто тошнило. Вначале он пытался было приударить за мной, перепив на корпоративе, но, получив от ворот поворот, обозлился и начал придираться по поводу и без. Я рассылала СиВи по всем латвийским фирмам, но тогда как раз кризис ударил, и меня даже на интервью никуда не приглашали. И вот я со своей магистерской делала ксерокопии и варила кофе.

Мои переводы тоже не сахар. Потому как килограмм последнего скоро будет стоить дороже, чем 1800 усердно переведенных знаков.

– Так что, когда Антони предложил мне переехать в Париж, я почти не раздумывала. Тяжело, конечно, в таком более чем сознательном возрасте вырывать себя с корнями и пересаживать на новую почву. Но предстоящие трудности меня как-то не пугали. Однако, свои способности к адаптации я все-таки несколько переоценила. Чужой язык, который я хоть и учила когда-то, но, как выяснилось недостаточно, потому как бытовой сленг, представился мне неразборчивой тарабарщиной. Отсутствие друзей и родных. Метро, которое оказалось утомительнее утренних рижских автобусов. Да, Антони жил не в центре, и чтобы добраться на курсы языка, необходимость в которых я ощутила мгновенно, требовалось проехать четыре станции метро. Но главным испытанием стал сам Антони. Во-первых, в его квартире все предметы связывала многолетняя традиция расположения, и своевольная перемена слагаемых местами каралась яростным недовольством. Во-вторых, мои кулинарные потуги хоть и встречались наигранным энтузиазмом, но стоило мне зазеваться, как, ни в чем не провинившиеся голубцы и борщ несвоевременно заканчивали свои дни в мусорном ведре, уступив место знакомым французским блюдам. В-третьих, в Антони обнаружился старательно прятавшийся во время первых свиданий червь скупости. На мой вопрос:

«На что я буду теперь жить?» он, не задумываясь, ответил: «Найти работу в Париже не проблема». Он исправно покупал продукты, раз в неделю платил за недорогой ресторан, а вот на мои не завуалированные намеки, что пора бы обновить гардеробчик, только добродушно улыбался и переводил тему. Ну, да, ладно, я смирилась. Все же знают, что идеальных мужчин не бывает. В Риге у моих дверей тоже не толпилась длинная очередь жаждущих содержать меня спонсоров. Подучила язык, нашла работу. Не хухры мухры, конечно. *Notesse d'accueil* на всяких выставках. Платили не много, но исправно. На шмотки средней руки хватало. А потом и Антони немного изменился под моим умелым руководством, стал делать подарки, один раз даже платье Валентино купил. На помолвку. И предложение сделал по всей форме. Кольцо с брильянтом, пусть маленьким, но все же. Я согласилась с радостью. Свадьбу на следующее лето назначили.

На слове «свадьба» нос Ани самовольно дергается, втягивая ноздрями влагу. Мне становится ясно, что этот момент является в повествовании переломным. Поднявшиеся в гору герои, замирают на мгновение на вершине, перед тем как, очертя голову, понестись вниз, ломая выпирающие конечности. Я не спешу подтолкнуть рассказчицу в спину. Выдержав минуту молчания по явно несостоявшейся свадьбе, Аня продолжает.

– И тут осенью нас пригласили на бракосочетание какого-то дальнего родственника Антони. Кузена вроде. Я обра-

довалась. Думала – вот посмотрю, как у них все это происходит, пригодится на будущее. Ты наверно согласишься со мной, что чужие свадьбы обычно навевают на незамужних женщин старше 25 тоску. Так или иначе, в голову лезут нелестные сравнения. «Вот ее кто-то полюбил, а меня нет».

Как же, как же. Совсем недавно я отчаянно рыдала в туалете после свадьбы подружки. Жених был маленький очкастый снусмумрик, неумелая тамада превратила праздник в балаган, а отец невесты напился и начал приставать к приятельницам дочери. Но сам факт, сам факт!

– Так вот на сей раз ничего подобного я не испытывала. На моем пальце блестел маленький брильянт как символ востребованности, я была спокойна и счастлива. Слишком счастлива наверно. Антони представил мне своих родственников. Я улыбалась, подставляя щеки. Старалась всем понравиться, и запомнить, кто есть кто. У брачующегося оказалось два брата. Один пришел с девушкой, второй, самый старший, один. «Эх, когда же Симон найдет себе девушку!» охали невдалеке от меня пожилые тетушки. Тут следует наверно описать этот персонаж. Симон был небольшого роста и казался еще ниже из-за сутулости. Было похоже, будто на плечи ему возложили невидимый груз, и он весь согнулся под тяжестью последнего. Его длинное лицо с узкими губами и довольно увесистым носом можно было бы назвать обычным, если бы не глаза. Они как будто жили отдельно, своей беспокойной жизнью. Круглые, слегка навика-

те, они находились в постоянном движении, и выражение их без усталости колебалось между грустью и тревогой. Я невольно зацепилась взглядом за это необычное лицо. «Это Симон» заметил Антони, проследив за направлением моих зрачков, «Старший сын. Его мать никогда его не любила, предпочитая двух младших». «Почему?» «Он родился с дефектом. Без определенных половых признаков. Понадобилось 18 операций, чтобы он стал похож на мужчину». И тогда я поняла, откуда эта тревога, откуда приглушенная годами, но все-таки живая боль, читающаяся во всем его облике. Меня затопила жалость. Обиженный природой и отвергнутый собственной матерью ребенок. Чем он заслужил такое врожденное проклятье? Всю первую часть церемонии я смотрела как зачарованная на его профиль. Он улыбался, похоже, искренне радуясь за брата, разделяя недоступное ему счастье. Молодые обменялись кольцами и скрепили союз поцелуем. Невеста повисла на женихе, впечатавшись в губы как пиявка. Родители (в обоих случаях разведенные) умиленно стерли набежавшую слезу. Мне подумалось, что в зале нет ни одной женатой пары за сорок, исполнившей данные друг другу когда-то обещания и сумевшей сохранить свою ячейку. Трогательность момента растворилась в воздухе. Все происходящее превратилось в примитивный фарс. Какой смысл во всех этих клятвах, если спустя десяток лет, нынешние молодожены, заматерев и устав от обыденности, разойдутся в противоположные стороны, окончательно возненавидев друг друга при дележе

недвижимости и детей. Однажды они встретятся. На свадьбе собственных отпрысков. И будут вот так же стоять, и всхлипывать от умиления. Антони сжал мою руку, и его улыбка отогнала в сторону мрачные мысли. Официальная часть закончилась, впереди было то, ради чего, собственно говоря, 90% гостей и пожаловало, то есть банкет. Поздравив молодых, все разбрелись по машинам. Через полчаса мы входили в четырехзвездочный парижский отель, который за весомую сумму согласился приютить мероприятие. Собравшиеся переминались с ноги на ногу, всем своим видом выказывая нетерпение перейти непосредственно к дегустации. Официанты начали разносить шампанское. Антони зацепился языком с каким-то лично мне абсолютно неинтересным банкиром, и я потеряла его из виду, ввязавшись в битву за жареные лисички. Народ толкал друг друга локтями, выбивая из рук картонные тарелки. У меня создалось впечатление, что люди эти не ели неделю в предвкушении халявного обжирона. Мне опять подумалось, что истинное назначение церемонии сильно опошлилось. И я налегла на шампанское. Ты наверно задаешься вопросом – и чего это она так долго рассусоливает? Сказала бы – сходили на свадьбу и все.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.